

A Marvellous Evening of Russian Song with Dmitri Hvorostovsky

13/03/2014

 United Kingdom **Glinka, Darghomyzhsky, Borodin, Rimsky-Korsakov, Cui, Tchaikovsky, Medtner, Rachmaninov, Sviridov:** Dmitri Hvorostovsky (baritone); Ivari Ilja, (piano). Barbican Hall, London, 10.3.2014 (CC)

Glinka – I remember that magical moment;

My blood boils with desire;

Confession

Darghomyzhsky – The Jealous Maiden

Borodin – For the Shores of your far homeland

Rimsky-Korsakov – The flying chain of clouds is thinning

Cui – The Statue at Tsarskoye Selo

Medtner – I have outlived my aspirations; To the Dreamer; A Winter Evening

Rachmaninov – Oh beauty, merciful to me be

Sviridov – Round Izhova I was riding ; St Petersburg.

An all-Russian song evening is a rare treat in London, especially when hosted by the great baritone, Dmitri Hvorostovsky. The programme was well thought out: a first half of settings of Pushkin by a bouquet of composers, followed by settings of Blok in a song-cycle written expressly for Hvorostovsky. The thread linking the first half was more than Pushkin: it was how magnificently these great composers responded to these great texts.

Glinka's songs don't get out much, so it was delightful to have three to ease us into the evening. *I remember that magical moment* is a lovely outpouring, a proper

showcase for Hvorostovsky's burnished timbre as well as for the superb pianist, Ivori Ilja. *My blood boils with desire* is a sweet outgoing ditty – although its title might suggest otherwise – while the even shorter *Confession* (often given as *Declaration*) was beautifully, and sweetly, done. Hvorostovsky can do the heavier, demanding works, certainly – but he can also deliver on the simpler side of Russian song.

Alexander Darghomyszsky (1813-1889) gets a bad rap; he's known mainly for his final opera, *The Stone Guest*, generally cited because of the subject matter (think *Don Giovanni*) and the use of "melodic recitative". So how welcome to have an offering; how cruel that there was only the one. *A jealous maiden* represented the darker side of Russian Romanticism, and was accordingly all the more to be relished. This trait was carried on, perhaps, in the characteristic Russian melancholy of Borodin's *For the Shores of your far homeland*, which might as well have been co-written with Mussorgsky such was its heaviness of heart.

Rimsky-Korsakov was represented by just one song, *The flying chain of clouds is thinning*, surprisingly fragmented in its vocal line and, once more, shot through with melancholy. The fearsomely difficult accompaniment was despatched with aplomb, while Hvorostovsky's passion was palpable. Throughout he was fully involved with the music and texts. Initially, his voice sounded rather strained in its upper reaches, though, something which mercifully disappeared before the advent of the second half.

It was wonderful to welcome Cui to the party, with his gorgeous setting of *The Statue at Tsarskoye Selo* which featured beautifully even arpeggios from Ilja. Then Tchaikovsky's familiar *The Nightingale* brought infinite pleasure, not least from Hvorostovsky's laudable ability to hit notes straight in the middle at the outset of phrases.

Medtner's songs – in fact his music in general – are woefully undervalued, so to hear three songs was a joy. *I have outlived my aspirations* became ever more musically sophisticated; *To the Dreamer* was low-lying for this singer but magnificently convincing, and finally *A Winter Evening*, with its tricky, descending scale-dominated accompaniment, and its long melodies, introduced us to a true masterpiece. Some readers might be familiar with Zara Dolukhanova's recording of this song with the composer at the piano; that

account holds a climax that will make your hair stand on end) Hvorostovsky was hardly less successful.

In this company, Rachmaninov had to make an appearance, if a rather brief one: *Oh beauty, merciful to me be*”, but it was Sviridov’s *Round Izhova I was riding* that was the perfect end to the first part. Somewhat Stravinskian in its rhythmic foregrounding but harmonically sophisticated, it was a most welcome surprise.

Sviridov’s song-cycle *St Petersburg*, subtitled “a vocal poem”, was written for Hvorostovsky, and it certainly sounded as if the singer had lived with it and knew the score’s deepest, darkest secrets. The partnership between singer and pianist was also at its height here too, the deeply resonant piano opening (“The Weathercock”) perfectly matched to Hvorostovsky’s equally resonant voice; the sweet tones of the next song (“The Golden Oar”) offered consolation. Sviridov’s extended composition is a magnificent edifice, encompassing Mahlerian emptiness (the fourth song, “A Voice from the chorus”); maudlin drunkenness (“I am nailed to a tavern counter”); and a wildly distorted waltz in the seventh movement (“Petersburg Song, 7 December 1906”), which featured superb piano playing. In massive contrast to this latter song, the penultimate “Those born in obscure years” is interior and desolate. There is something of the valedictory mood of the final movement, “Der Leiermann”, from Schubert’s *Winterreise* about Sviridov’s parting gesture, “The Virgin City”. Hvorostovsky lived this final song, steering it, in tandem with Ilja, from the opening’s gentle ululations towards a climax shot through with iron.

No encore, and rightly so. Hvorostovsky left Sviridov’s masterpiece resonating in our ears.

Colin Clarke

Изумительный вечер русского романса

с Дмитрием Хворостовским

13/03/2014

Глинка - Я помню чудное мгновенье; В крови горит огонь желания; Признание

Даргомыжский - Юноша и Дева

Бородин – Для берегов отчизны дальней

Римский-Корсаков - Редеет облаков летучая гряда

Кюи – Царскосельская статуя

Метнер – Я пережил свои желания; Мечтателю; Зимний вечер

Рахманинов – Не пой, красавица, при мне

Свиридов - Подъезжая под Ижоры; Петербург.

Вечер русского романса - редкое удовольствие в Лондоне, особенно в исполнении великого баритона Дмитрия Хворостовского. Программа была хорошо продумана: первая половина- стихи Пушкина на музыку созвездия композиторов, за ней следовал цикл на стихи Блока, написанный специально для Хворостовского. Первую часть объединяла не только пушкинская тема: как великолепно эти выдающиеся композиторы откликнулись на слова великого поэта.

Романсы Глинки исполняются не часто, так что было очень приятно услышать три в самом начале вечера. *Я помню чудное мгновенье* – восхитительное полнозвучие, блестящая возможность продемонстрировать полированный тембр для Хворостовского, а также для великолепного пианиста Ивари Илия. *В крови горит огонь желания* - сладкая искрящаяся песня – хотя ее название может предполагать иное – в то время как еще более короткое *Признание* (часто переводимое как *Декларация*) было исполнено нежно и превосходно. Хворостовский, безусловно, может исполнять как трудные, изысканные произведения, так и более простые образцы русского романса.

Александр Даргомыжский (1813-1889) несправедливо известен главным образом своей последней оперой “Каменный гость”, обычно упоминаемой из-за сюжета (вспомните Дон Жуана) и использованием "мелодического речитатива". Приятно было услышать его романс, жаль, что только один. *Юноша и Дева* представляет мрачную сторону русского романтизма, и этим ещё более интересен. Эта мрачность была продолжена, пожалуй, в особенной русской меланхолии романса Бородина *Для берегов отчизны дальней*, который с таким же успехом мог быть написан в соавторстве с Мусоргским, настолько тяжело от него на сердце.

Римский-Корсаков был представлен всего одним романсом *Редеем облаков летучая гряда*, поразительно раздробленным в своей вокальной линии и, снова же, пронизанный меланхолией. Труднейший аккомпанемент был исполнен уверенно, а страстность Хворостовского была физически ощутима. Все это время он был полностью поглощен музыкой и текстами. Поначалу его голос в верхах звучал довольно напряженно, что, к счастью, исчезло еще до начала второй части.

Великолепным решением было включить в программу концерта *Царскосельскую статую* Кюи с превосходными арпеджио Илии. После известный романс Чайковского *Соловей* доставил бесконечное удовольствие, не в последнюю очередь благодаря поразительной способности Хворостовского менять ноты посередине фразы.

Романсы Метнера – и его музыка в целом – крайне недооценены, поэтому было счастьем услышать три его романса. *Я пережил свои желанья* стал еще более музыкально утонченным; *Мечтателю* был спет просто, но чрезвычайно убедительно, и, наконец, *Зимний вечер* с его протяжными мелодиями и сложным аккомпанементом, основанном на нисходящих гаммообразующих пассажах, познакомил нас с настоящим шедевром. Некоторым читателям может быть знакома запись Зары Долухановой этого романса с композитором за роялем (примечание переводчика: вероятно, имеется в виду диск романсов Николая Метнера и Юрия Шапорина в исполнении Зары Долухановой в сопровождении Берты Козель), одна кульминация которого заставит ваши волосы встать дыбом. Хворостовский был не менее успешен.

В этой компании Рахманинов должен был появиться, хотя бы кратко: *Не пой, красавица, при мне*, но именно романс Свиридова *Подъезжая под Ижоры* был идеальным концом первой части. Ритмически напоминающий Стравинского, но гармонически утонченный, он был самым желанным сюрпризом.

Цикл Свиридова *Петербург* с подзаголовком "вокальная поэма" был написан для Хворостовского, и звучало это так, словно певец жил с ним и знал самые глубокие, темные тайны партитуры. Партнерство певца и пианиста было и здесь на высоте, глубоко звучащее фортепианное вступление ("Флюгер") прекрасно сочеталось с не менее звучным голосом Хворостовского; нежная мелодия следующей песни ("Золотое весло") несла успокоение. Большое произведение Свиридова - это

величественное сооружение, содержащее малеровскую опустошённость (четвертая песня "Голос из хора"); сентиментальное опьянение ("Я пригвожден к трактирной стойке") и сильно искаженный вальс в седьмой части ("Петербургская песенка, 7 декабря 1906 года") с витруозной фортепианной игрой. В огромном контрасте с этой последней песней предпоследняя "Рожденные в года глухие" воспринимается сокровенной и горькой. Есть что-то от прощального настроения заключительной части "Шарманщика" из Шубертовского «Зимнего пути» в прощальном жесте Свиридова "Богоматерь в городе". Хворостовский прожил эту последнюю песню, ведя ее, в тандеме с Илия, от тихих стонов в начале к железом пронзающему насквозь финалу.

Никакого биса, и это правильно. Хворостовский оставил шедевр Свиридова звучать в наших ушах.

Перевод с английского Натальи Тимофеевой